

„Цыгане“, ему понравились два номера, и онъ тотчасъ, обратившись ко мнѣ съ симпатичною рѣчью, заключилъ такъ: „я почту за наслаждение и за нравственную обязанность покончить ваше музыкальное образование“.

Въ разговорахъ съ нимъ о комъ либо изъ музыкантовъ Русскихъ или иностранныхъ, никогда не проскальзывало тѣни зависти. Кто зналъ его коротко, тотъ замѣтилъ, что преобладающія стороны его личности были: нѣжность, дѣтская наивность, добродушная веселость, соединенная съ легкимъ оттѣнкомъ юмора.

Послѣднее время онъ какъ-то отъ всего отвернулся, самъ мало писалъ и болѣе обдумывалъ новыя музыкальныя формы, предлагаемыя ему Деномъ, но это была схоластика; со мною же онъ не разъ бесѣдовалъ какъ вдохновенный музыкантъ и не разъ бралъ у меня перо изъ рукъ и поправлялъ мою работу. Такъ помню, я былъ имъ посланъ къ Фрокману въ Петербургъ для напечатанія моего романса съ двумя окончаніями: одно его, другое мое, „Очарованіе красоты въ тебѣ не страшно намъ“ (слова Баратынскаго).

Онъ хотѣлъ, чтобы я съ его словъ записалъ характеристику оркестра вообще и cadaго инструмента порознь. Она сохранилась у меня какъ дорогое воспоминаніе.

Препровождаю къ вамъ отысканныя у меня письма Глинки. Жаль, что всѣ они кромѣ этихъ двухъ растеряны при посто-

янныхъ переѣздахъ за границей и вѣроятно все же на таможенныхъ.

Въ Италіи мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ громаднѣйшаго успѣха симфоническихъ произведеній Глинки.

Въ 1864 году я выписалъ нѣсколько партитуръ его; получивъ ихъ, тотчасъ же передалъ „Аррагонскую хату“ и „Мадритскую ночь“, въ лучшее симфоническое общество въ Миланѣ. Исполненіе было такъ вѣрно и хорошо подъ руководствомъ превосходнаго директора Басси, что энтузіазму не было границъ. На слѣдующій день нѣсколько газетъ заявили желаніе публики услышать еще разъ „Аррагонскую хату“ и „Мадритскую ночь“. Берлинцы, Мейерберъ во главѣ, исполнявшіе нѣсколько №№-въ изъ „Жизни за Царя“ въ 1856-мъ году при дворѣ Пруссакаго короля, могли бы справедливо позавидовать итальянскому исполненію Глинки въ Миланѣ.

Помню, что послѣ придворнаго концерта въ Берлинѣ, Глинкѣ былъ предложенъ орденъ или денежное вознагражденіе, но онъ до того былъ недоволенъ исполненіемъ, что отказался и отъ того и отъ другаго, все недоумѣвая: зачѣмъ бы это нужно было Мейерберу исполненіе „Жизни за Царя“ при Прусскомъ дворѣ?...

Это случилось, кажется, въ Декабрѣ 1856 г., а черезъ мѣсяць его уже не стало.

На похоронахъ присутствовали лишь Мейерберъ, Денъ и Вашъ покорнѣйшій слуга
В. Кашперовъ.

25-го Декабря 1868.

ПИСЬМА М. И. ГЛИНКИ КЪ В. Н. КАШПЕРОВУ.

I.

Figlio carissimo!

Уже нѣсколько дней, какъ я получилъ письмо ваше; не отвѣчалъ же вамъ по причинѣ занятій и хворобы.

Премного благодарю васъ за ваши искреннія и дружескія выраженія и

прошу васъ вѣрить, что и мои чувства не менѣе искренни. Если бы вамъ пришлось по сердцу, пользуясь настоящими обстоятельствами, по слабости здоровья, отдѣлаться отъ службы и съѣхать со мной въ Парижъ (гдѣ я намѣренъ провести часть лѣта, осень и зиму), какъ бы было хорошо!

Только одинъ разъ въ жизни я испыталъ щастіе путешествовать съ добрымъ, образованнымъ другомъ: это былъ покойный Е. П. Штеричъ (дядя родной Марьи Алексѣвны). Съ тѣхъ поръ всѣ мои товарищи, во время странствій, болѣе принадлежали къ разряду дядекъ и экономовъ, да и нынѣшній годъ мнѣ придется нанять такового въ Берлинѣ.

Я получилъ отъ Дена 2 дружескихъ письма; прошу васъ, въ отвѣтъ на сіе мое посланіе, отвѣчать на имя Дена, съ передачею мнѣ (Marienstrasse № 28 Berlin); надѣюсь выѣхать отсюда въ концѣ Апрѣля т. е. недѣли черезъ двѣ.

Леонова, не смотря на свои не совсемъ удачныя походы въ Москвѣ, Твери и Новгородѣ, приобрѣла тамъ до 600 р. с., и столько-же здѣсь. Концертъ ея (на которомъ была моя сестра) прошелъ весьма благополучно. Оркестръ исполнялъ отлично, а живыя картины изъ *Мертвыхъ* душъ Гоголя были очень занимательны. Болѣе всего публикѣ понравилась *Молтва* моя и *Scherzo (Valse-Fantaisie)*, а еще болѣе *Коса* и *Ходитъ въ терз.* Леонову дружно вызывали и бросили ей нѣсколько букетовъ.

Время у насъ гадкое и недугъ медленно уступаетъ упорному лѣченію.

Сестра вамъ искренно кланяется и заранѣе утѣшается мыслию, что вы съѣдетесь со мною за границей.

Тавлинки еще не получилъ, но премного благодарю за память.

Не сътуйте, что пишу мало: не здоровится. Что будетъ весною, авось оправлюсь. Прошу вѣрить неизмѣннымъ чувства(мъ) моимъ дружбы и симпатіи, вашъ вѣрный Waterfen

Михаилъ Глинка.

С. П. бургъ $\frac{13}{23}$ Апрѣля 1836.

II.

Берлинъ $\frac{28}{16}$ Августа 1836.

Figlio carissimo!

Благодарю васъ за дружеское письмо и романсъ (*). Отъ искренняго сердца поздравляю васъ. Дай Боже, чтобъ ваше благое намѣреніе увѣчалось самымъ счастливымъ успѣхомъ. Ваша благородная душа и самый возрастъ могутъ быть, если не порукою, то по крайней мѣрѣ залогомъ того счастья, котораго вамъ желаетъ вашъ Папахень. Бью челомъ будущей вашей барынѣ и прошу *илгз* насъ жаловать.

Не только меня и сестру, но и профессора Дена радуется мысль, что мы проживемъ вмѣстѣ.

День очень кланяется; теперь онъ на 3 дня уѣхалъ въ Лейпцигъ по дѣламъ. По возвращеніи его примемся за работу и тѣмъ болѣе, что на будущей недѣлѣ (съ помощію Всевышняго) я перебираюсь на зимнюю квартиру, сирѣчь: квартиру, снабженную двойными рамами, переднею и расположенную на солнечной сторонѣ улицы.

Мой новый адресъ....

До того не люблю Французовъ, что скверно написалъ названіе улицы, вотъ оно: *Französische Straße* № 8.

Мнѣ здѣсь пришлось очень, очень по сердцу, а по пословицѣ отъ хорошаго лучшаго не ищутъ.

Диссертацийъ объ музыкѣ не пишу, зане *живое слово* предпочитаю бумагѣ. Излишнимъ считаю увѣрить васъ, что когда сюда къ намъ пожалуете, я всегда къ вашимъ услугамъ. Еще разъ прошу васъ, пріѣзжайте, рассказывать не будете: нынѣшней зимою предстоятъ удивительныя музыкальныя продовольствія.

Обнимаю васъ отъ души, а будущей вашей барынѣ бью челомъ.

Весь вашъ Папахень *Мимоза*.

НВ. Если будете отвѣчать, пишите крупнѣе и разборчивѣе.

(*) Романсовъ День не жалуетъ и имѣетъ на то основанія, зѣло справедливыя! *Прим. М.И. Глинка.*